

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

Эйб Мосс
ЛАКОМЫЕ КУСОЧКИ

Эйб Мосс
Лакомые кусочки
Серия «Мастера ужасов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74021487
ISBN 978-5-17-177973-3

Аннотация

Первая встреча с семьей жениха всегда нервирует. Вот и Конни не может найти себе места, ожидая выходных, когда она вместе с Эваном, своим любимым, поедет в загородный дом к его родителям. А судя по рассказам, они – холодные снобы, которые с пренебрежением относятся ко всем, кто не входит в их социальный круг. Когда же мать Эвана встречает пару с распростертыми объятиями, и Конни, и Эван приходят в настоящее замешательство, уж слишком дружелюбно и приветливо ведут себя все вокруг. А потом Конни слышит, как из подвала доносятся странные звуки, похожие на крики о помощи. Вот только она еще не понимает, что некоторые двери лучше не открывать, так как закрыть их уже не сможешь. И то, что ждет ее внизу, гораздо хуже самых страшных кошмаров.

Содержание

Часть первая. Проникновение	5
Один	5
Два	8
Три	19
Четыре	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эйб Мосс

Лакомые кусочки

Abe Moss
MORSELS

Перевод с английского: *Мария Акимова*

В оформлении обложки использована иллюстрация *Михаила Емельянова*

Morsels

Copyright © 2024 by Abe Moss

All rights reserved

© Мария Акимова, перевод, 2026

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Часть первая. Проникновение

Один

Она сидела на кровати с 9-миллиметровым пистолетом в руке и представляла, каково это – вышибить ему мозги. Насколько ужасно это может быть? Сколько может быть крови? Сколько он продержится на ногах, пока его жизнь не *погаснет*? Подойти к нему со спины или встретиться лицом к лицу? Последний вариант показался ей привлекательней.

Она задумалась.

Раньше ей не приходилось никого убивать. Раньше ей и *не хотелось* никого убивать. По крайней мере, никого *другого*. Теперь же подобные мысли крутились у нее в голове. Вот уже несколько лет. Мысли о вызове. О правде, которая выйдет наружу. Вместе с *кровью*. Фантазии, которые она надеялась воплотить в жизнь. Скоро. Очень скоро.

Однако в глубине души таилось смутное сомнение. Разумеется. В конце концов, она же не была чудовищем. Не была такой, как он. Как все они.

Слабые лучи раннего солнца начали пробиваться сквозь занавески на окнах.

К ее чести, она представляла себе это мероприятие без излишеств. Без мелодрамы. Все должно пройти быстро. И чем

быстрее, тем лучше, на самом деле. Меньше шансов, что кто-то помешает. Меньше шансов, что на первый план выйдет мучительное сомнение и заставит ее застыть, будто нервное, грызущее ногти никчемное существо, каким она в действительности и была.

– Это для тебя, – пробормотала она.

«Бах!»

Она положила пистолет на колени. Черный полимер на основе нейлона. Крошечная вещица. Десять патронов. Он ей не принадлежал.

Она снова все себе представила. Его тупое лицо. Подняла обеими руками пистолет, направила на стену спальни, зажмурила один глаз и вообразила это тупое лицо, искаженное страхом, – капли пота, подергивающийся рот, осознание.

– Это для тебя, – снова пробормотала она.

Тело задрожало. На глаза почему-то навернулись слезы. Она опустила пистолет, снова положила его на колени и позволила разуму ненадолго отключиться, пока накатившая холодная волна тревоги не спала. Сердце бешено колотилось. Ей нравилось думать, что она готова к этому, уже много лет готова, но только время могло показать, права ли она.

«Да, я готова».

Тыльной стороной руки она торопливо смахнула одинокую слезинку, скатившуюся по щеке.

– Он это заслужил.

Она изо всех сил старалась подавить постоянно мелькав-

шее сомнение, но это было все равно что держать под водой надутый воздушный шарик. Бесполезное занятие. И пока у нее еще все было под контролем, пока предательская мысль не вырвалась и не превратилась в полноценную идею, она вскочила на ноги и положила пистолет в маленький жесткий чемоданчик, лежавший с откинутой крышкой на кровати. В нем были вещи для одной ночевки.

«Одной ночевки», – напомнила она себе. Успокаивающая мысль.

И, возможно, так много времени даже не понадобится.

Два

Прислонившись к пассажирскому окну, Конни Джейкобсен с надеждой смотрела на пепельные облака, за которыми пряталось полуденное солнце. Они обещали дождь, но за весь день не пролилось ни капли. А она мечтала об этом. О небольшом дожде, который всегда помогал ей успокоиться.

Устав от пустых обещаний небес, она повернулась к водителю и некоторое время смотрела на него. Он был особенно хорош собой; его привлекательное лицо неизменно ее радовало. По нахмуренным бровям и по тому, как он покусывал внутреннюю сторону губы, становилось ясно, что ему тоже отчаянно нужно как-то успокоить нервы.

Он почувствовал ее внимание. Сосредоточенный взгляд метнулся в сторону Конни. Беспокойные губы сложились в застенчивую кривую улыбку.

– Ты что-то хотела?

– Просто люблюсь, – спокойно ответила она. – У тебя такой вид, будто ты о чем-то глубоко задумался. Не могу представить о чем...

– Ммм, – ответил он. – Конечно, не можешь.

Эван Колдуэлл чуть сильнее сжал руль, сделал глубокий вдох и выдохнул медленно и ровно – его способ успокоить нервы, насколько успела узнать Конни. Для него глубокий

вдох редко был признаком расслабленности.

Она продолжала смотреть, и он снова взглянул в ее сторону, просто чтобы убедиться. Неловкая ухмылка превратилась в широкую улыбку.

– Чего?

– Расскажи мне, – попросила она.

– Я уже рассказывал.

– Тогда расскажи снова. Если тебе не трудно...

Еще один глубокий вдох, еще один долгий выдох. Эван нервно взглянул в зеркало заднего вида, хотя за многие мили пути по длинным зеленым дорогам юга им не встретилось ни одной машины.

– Просто я уже хочу, чтобы выходные закончились, вот и все.

– Но мы еще даже не приехали.

– Знаю.

– И это всего пара дней.

– Знаю.

– Все будет хорошо.

Конечно, Конни не могла произнести этого с полной уверенностью. Она знала о семье Эвана только то небольшое, что он сам рассказывал – причем чаще с горечью. Исходя из всего, что ей *было* известно, она ожидала, в конечном счете, не самых приятных впечатлений. Но ради их общего душевного благополучия с самого начала решила, что будет держать равновесие – станет лучиком надежды среди грозowych туч

Эвана.

– И что же, по-твоему, в этом *хорошего*? – спросил он.

– Ну, то, что рано или поздно все закончится, – сказала она. – Мы выживем. Вернемся домой. Все будет так, как должно быть.

– Да. – Эван слегка прищурился, прокручивая в голове ее слова. – Думаю, можно и так посмотреть.

– Только так и можно смотреть, чтобы не довести себя волнениями до смерти.

Конни отвернулась к окну, за которым по-прежнему проплывала зелень и разнотравье. На таких дорогах трудно представить, что когда-нибудь куда-нибудь доберешься.

Когда они решили остановиться на заправке, в облаках появился просвет и залитая мерцающим солнечным светом станция показалась им спасительным маяком среди тусклых теней – передышкой во мраке. Эван подъехал к первой из четырех колонок. Кроме их машины, тут была лишь еще одна, припаркованная возле круглосуточного магазинчика. Конни предположила, что она принадлежит продавцу, который был внутри. Эван вылез из салона и почти сразу же снова открыл дверцу и заглянул внутрь.

– Тут даже карту некуда вставить, – сказал он. – Придется оплатить внутри. Тебе что-нибудь нужно?

Конни прислушалась к своему мочевому пузырю и попыталась оценить, насколько ему требуется облегчение.

– Как думаешь, мы близко? – спросила она.

– Почти приехали, на самом деле. Минут десять еще. Я бы предпочел заправиться сейчас, а не завтра, когда будем уезжать. А что, тебе нужно в туалет?

– Думаю, смогу подождать.

Надо признать, Конни с некоторой брезгливостью относилась к туалетам на заправках. Даже если бы она верила, что *сможет* сходить, все равно предпочла бы дожидаться, пока они доберутся до летнего домика родителей Эвана.

Эван стоял, наклонившись, у водительской дверцы и улыбался, читая ее мысли, как никто другой.

– Ладно, я скоро вернусь.

Конни смотрела, как он пересекал сверкающую парковку – солнечный свет почему-то стал особенно ярким, лучи, словно сквозь увеличительное стекло, проникали через просвет в облаках. Однако, как только Эван нырнул в магазинчик, освещение переменилось. *Облака* переменились. Конни наблюдала, как их тени буквально *потекли* по парковке, со скоростью медленного оползня черня асфальт, пока солнечный свет полностью не исчез.

Она осталась одна в машине; настала ее очередь глубоко вздохнуть.

Она нервничала больше, чем осознавала. И теперь чувствовала, как оживает пустота в животе, расцветает внутри ледяным цветком. Конни затрясло. Возможно, отчасти из-за нервов, отчасти из-за ушедшего солнца...

Она посмотрела на лежавшую впереди дорогу; она раздвигалась, и каждую из сторон одинаково душил лес.

«Рано или поздно все закончится. Мы выживем. Вернемся домой. Все будет так, как должно быть».

Конни снова посмотрела на заправку и вздрогнула.

Прислонившись к стене, на углу магазина стоял полный, неопрятный мужчина, одну руку он держал в кармане джинсов, другой игриво махал Конни еще до того, как она успела заметить присутствие незнакомца.

Махавшего ей.

Она взглянула на вход в магазинчик. В окнах виднелось лишь отражение парковки. И машины Эвана. И самой Конни внутри, которая выглядела гораздо испуганнее, чем сама осознавала, с открытым в ошеломленном молчании ртом.

Когда Конни снова посмотрела на мужчину, тот по-прежнему махал. Игриво шевеля пальцами. Насмешливо.

– Что за черт, – пробормотала она, хмурясь.

Затем покачала головой – с видом «чего надо?» – и тут же снова отвернулась, вглядываясь в развилку дорог и в темную сине-серую линию горизонта над деревьями. Сердце забилось чуть чаще. Конни сделала еще один глубокий вдох. Краем глаза она все еще видела мужчину, но лишь смутно. Он продолжал ей махать? Все еще шевелил пальцами с грубой ухмылкой?

Боковым зрением она заметила еще кое-что. Распахнулась дверь магазина. Конни обернулась и увидела, что нару-

жу вышел Эван. Он смотрел на нее с мальчишеской улыбкой, перед которой Конни никогда не могла устоять. Махавший ей мужчина, видимо, отошел. Взгляд Конни метался из стороны в сторону в поисках, но мужчина просто пропал. Исчез.

Эван включил насос. И пока ждал с заправочным пистолетом, Конни продолжала оглядывать здание, удивляясь скорости, с которой ушел тот странный человек. Это явно не был сотрудник, размышляла она, иначе Эван не смог бы расплатиться за бензин. Конни посмотрела на одинокую машину, припаркованную у входа, – внутри тоже никого не было.

Она вздрогнула, когда заправочный пистолет с громким звуком отключился. Затем тот звякнул – Эван немного потряс его, прежде чем вернуть в держатель, и быстро обошел машину. С усталым стоном он сел за руль.

– Ты видел кого-нибудь еще, когда заходил внутрь? – спросила Конни, прежде чем Эван успел закрыть дверь.

Он поджал губы.

– Нет. Только парня за прилавком. А что?

Конни снова повернулась к зданию.

– Пока ты был внутри, там стоял какой-то мужчина. Он пялился на меня и *махал*...

Эван перегнулся через Конни и посмотрел сквозь ее окно туда, куда она показывала.

– Как он выглядел?

– Обычный мужик, если не считать, что он был чертовски жутким. Кажется, у него были усы.

– Вот странно...

Эван продолжал разглядывать здание с хищным выражением лица, а молчание между ними постепенно становилось неловким. Конни перевела на него взгляд и откинула голову, чтобы освободить место. Уловила запах его лосьона после бритья. Мятный и ароматный. Приоткрытые губы Эвана медленно изогнулись в улыбке, и стало совершенно очевидно, что он намеренно задержался в этой позе.

– Думаю, его и след простыл, – сказала Конни.

Перегнувшись через ее колени, Эван вытянул шею и посмотрел ей прямо в глаза; их носы оказались в дюйме друг от друга.

– Думаешь?

– Ммм. – Конни едва сдержала смех. – Оказывается, чудик все это время сидел рядом со мной.

– Вот это поворот, – сказал Эван и поцеловал ее.

Конни поцеловала его в ответ, долго и нежно. Секунду он одурело улыбался, удерживая ее взгляд, после чего, наконец, устроился на водительском сиденье, унося с собой свой чудесный аромат. Затем завел двигатель и пристегнулся. Когда они отъехали, Конни в последний раз оглядела заправку, но не увидела и следа странного мужчины.

– Нервничаешь? – спросил Эван, уже в сотый раз после заправки проверяя часы на приборной панели. Казалось, он буквально отсчитывал секунды до приезда – словно мыслен-

но хватался за них, будто мог сжать мгновения в кулаке и замедлить время, чтобы они вдвоем никогда не добрались до места назначения.

– Немного. Ты спрашиваешь, потому что *сам* нервничаешь?

– Ты же знаешь, что нервничаю.

– Так расскажи мне обо всем подробнее, – повторила Конни свою недавнюю просьбу. – У нас есть... не знаю, по крайней мере, еще пять минут для разговора.

– И ты хочешь, чтобы я растратил их, повторяя то, что ты и так уже знаешь?

– Это поможет. Поверь мне. – Она наблюдала, как Эван словно через силу переваривал ее слова. – Объясни, из-за чего же ты так нервничаешь.

Он сделал еще один большой глубокий вдох и с силой выдохнул.

– Что ж. Из-за того, что застряну с ними в одном доме на все выходные. Я боюсь этого уже несколько недель. Если бы ты не поехала со мной, не думаю, что смог бы все это выдержать или что вообще поехал бы.

– А почему ты так нервничаешь из-за того, что застрянешь с ними в одном доме?

Эван издал глухой звук, похожий на смех, не сумевший вырваться наружу. Затем пожал плечами. Он еще немного посидел с мыслью, которая его почти рассмешила, и внезапно стал серьезным.

– Они не хорошие люди. – Он обдумывал это еще мгновение, будто сам с удивлением осознал. Эван и раньше говорил это Конни, хотя никогда так прямо. – Деньги и репутация для них важнее, чем... что угодно. Важнее, чем быть настоящей семьей. – Он отвлекся от дороги и на миг встретился взглядом с Конни. – Я уже рассказывал тебе все это.

– Знаю.

Эван снова перевел взгляд на дорогу. Конни понимала все по его глазам, по тому, как он смотрел на асфальтовое полотно, сквозь него, вглубь него, возможно, пока мысли были заняты совсем другими вещами.

– Я нервничаю из-за того, что собираюсь представить им тебя, – выпалил он, почти как признание.

– Почему?

– Потому что не думаю, что они поймут тебя. Или нас.

– Чего, ты думаешь, они не поймут?

– Ну, для начала, мои родители никогда не любили друг друга. Никогда. Их брак основан не на любви. И судя по тому, как воспитывали нас, я уверен, они даже не знают значение этого слова. Любви и привязанности нет в их словаре...

«А мы любим друг друга?» – гадала Конни. Она задавалась этим вопросом отчасти в шутку, отчасти всерьез, поскольку они еще не сказали друг другу этих слов. Ее парень, похоже, даже не понял, что только что признался в своих чувствах. Конни улыбнулась, оставив эти мысли при себе, а Эван продолжал:

– Они на сто процентов ожидали, что я, мой брат и сестра поведем себя, как они. Заключим браки не по любви, а... ты понимаешь. Майлз в этом смысле оправдал их ожидания. Я – нет. Райли тоже. Так что... да, я чертовски нервничаю, представляя им тебя. Не *из-за них*, а из-за тебя. Боюсь, что везу тебя к чему-то ужасному. Может, это будет слишком. Может, из-за этого ты даже начнешь смотреть иначе на *меня*...

– Что? – Конни с искренним замешательством перебила его. – Ты же знаешь, что этого не произойдет.

– Знаю ли? Я не вполне уверен, что ты понимаешь, во что связываешься. Может, я не подготовил тебя к этому как следует...

– Я готова встретиться с людьми, которые, возможно, покажутся тщеславными или снобами, а может, и нет...

– А еще холодными, – добавил Эван. – Мои родители практически *рептилии*. На самом деле они рептилии и есть.

– Итак, я предупреждена, – сказала Конни. – Если в конце дня смогу уединиться в спальне с тобой и только с тобой, то уверена, что выживу. Вообще-то, я думаю, тебя поразит мое умение постоянно улыбаться. Вот так.

Эван посмотрел на нее, и Конни одарила его самой широкой, самой приторной улыбкой, на которую только была способна.

– О боже, – сказал он. – Вот так, да?

– Вот так, – повторила она, затем потянулась и поцеловала

его прямо в щеку. – Твою семью шокирует то, насколько я *неумолимо* приятна в общении.

Три

После нескольких неприметных съездов, наблюдая за тем, как дороги становятся все более узкими и *уединенными*, Конни едва поверила глазам, когда впереди показалось поместье. Сначала вдоль извилистой дороги был лишь лес, много леса, а затем вот оно, притаившееся среди деревьев, словно жуткий секрет. Жуткий, потому что поместьем здесь было не место.

То, что ей описывали как *летний домик*, оказалось значительно выходящим за рамки этого описания. Словно кто-то схватил настоящий особняк в колониальном стиле прямо из богатого пригорода Вашингтона, округ Колумбия, и швырнул в лес. Теплый коричневый кирпич, черная крыша, черные ставни на многочисленных окнах. Безусловно, дом был привлекательным – даже *красивым* – но совершенно неуместным. По крайней мере, так показалось Конни. С другой стороны, она не была знакома ни с чем, даже отдаленно напоминавшим роскошь. А в таком месте все бы показалось ей неуместным. Она могла лишь догадываться, как же выглядел постоянный дом родителей Эвана.

Машина медленно проезжала финальный отрезок пути к ожидавшему их поместью, Эван отчаянно цеплялся за последние проведенные наедине секунды.

– Если это летний дом твоих родителей... – наклоняясь

вперед в кресле, пробормотала Конни, – то не могу себе представить...

– Это только один из нескольких, – ответил Эван. – Думаю, этот они любят за уединенность. Позволяет им чувствовать себя лесными жителями.

– Ого. Вот это, я понимаю, пожить простой жизнью.

Единственная асфальтированная дорога, по которой они ехали, перешла в закругленную подъездную дорожку. Вдоль ее внутреннего края уже ожидали две припаркованные машины – внедорожник размером с катер и роскошный белый седан позади него.

– Ну что, кто здесь? – спросила Конни. – Ты их узнаешь?

– Внедорожник, должно быть, родителей, – сказал Эван. – А белая машина, видимо, моего брата.

– И кого же нам не хватает?

Эван затормозил за седаном. Выключил двигатель.

– Моего дяди, который почти никогда не пропускает семейные собрания. И Райли... хотя я не уверен, приедет ли она вообще. Надеюсь, что приедет, но сомневаюсь.

Райли была сестрой Эвана. Самой младшей и, насколько поняла Конни, самой проблемной из детей. «Паршивая овца», как описывал ее Эван, который именно поэтому всегда очень высоко о ней отзывался. Конни понимала, что Эвану хотелось быть ближе с сестрой, но, как она знала по опыту, динамика семейных отношений – штука нелегкая и взаимностью не отличается.

Заглушив двигатель, они еще немного посидели в тишине, понятной им обоим. Конни воспользовалась моментом, чтобы внимательнее рассмотреть дом. Хотя день уже клонился к вечеру, а небо оставалось таким же серым, как и прежде, она заметила, что шторы на всех окнах обоих этажей были задернуты.

– Честно говоря, – внезапно произнес Эван, – если бы не Райли, не думаю, что у меня было бы что-то общее с этой семьей. Я бы не привез нас сюда, это уж точно. Она единственная, с кем мне действительно хочется тебя познакомиться. Если бы я мог сделать это вне семейной встречи, то...

– Вы с ней вообще не разговариваете – вы вдвоем, я имею в виду?

– Я понятия не имею, как с ней связаться, – ответил Эван. – Не думаю, что у нее хотя бы телефон есть.

– У твоих родителей, наверное, есть какие-то способы, раз они пригласили ее вместе со всеми остальными. Верно?

– О, ну конечно, – сказал Эван. – Почти уверен, что они по-прежнему поддерживают ее по большей части. Я имею в виду финансово. – Он вздохнул. – Бардак, бардак. Ты готова нырнуть?

– Я надела свою знаменитую маску для подводного плавания и все такое.

Конни наслаждалась выражением лица своего парня. Тот невольно улыбался.

– Понимаешь, именно такие комментарии, – сказал он, –

мои родители и не оценят.

– Им же хуже.

– Им же хуже, конечно.

Они вылезли из машины и достали из багажника два чемодана, по одному на каждого. Вытаскивая свой на дорожку, Конни мысленно повторяла, как мантру, одно и то же: «Одна ночь. Всего одна ночь».

Эван захлопнул багажник. И с очередным вздохом произнес:

– Ну что ж, давай.

Колесики чемодана Конни стучали и грохотали по дорожке. На входной двери было большое круглое окошко с темным, дымчатым, оберегавшим тайны стеклом.

«Всего одна ночь».

Они были в трех шагах от двери, когда та приоткрылась. В двух шагах, когда кто-то протиснулся в расширяющуюся щель, приветствуя их. Конни почувствовала, как сердце заколотилось в груди. Она попыталась сделать глубокий вдох, но поймала себя на том, что едва может дышать.

– Эван!

Женщина в дверном проеме была именно такой, как представляла себе Конни – по крайней мере внешне. Светловолосая, с короткой стрижкой, в симпатичной сине-белой блузке и светло-коричневых брюках. На шее сверкало жемчужное ожерелье, которое сочеталось с жемчужными серьгами. Синие тени для век гармонировали с глубоким оттенком ее

блузки, а сами глаза были бледными, самыми бледными, что Конни когда-либо видела, почти белыми с каплей голубого, что придавало им жутчайший, пустой вид.

А вот манеры у матери Эвана были такие, каких Конни совсем *не* ожидала. Теплота на лице. Буквально распростертые объятия, с которыми она бросилась навстречу, заставив Эвана и Конни замереть на месте.

– Ты это сделал! – женщина крепко обняла сына, положив подбородок ему на плечо и устремив взгляд в небо, что можно было принять за искреннюю благодарность.

Эван в ее объятиях стоял довольно напряженно. С чемоданом в одной руке он помедлил, прежде чем неловко похлопать свободной рукой мать по спине. Та сжимала его еще мгновение. Когда же, наконец, отпустила, то продолжала держать на расстоянии вытянутой руки, положив ладони ему на плечи.

– Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как я видела тебя в последний раз... – Она с наслаждением оглядела сына с ног до головы, прежде чем, казалось, вспомнила, что тот приехал не один. Она взглянула на Конни. Затем, не теряя времени, отступила от Эвана и снова распахнула объятия. – А ты, должно быть, новая девушка!

Она обняла Конни. После секундного замешательства Конни ответила на ее объятия, хотя и встретила над плечом женщины озадаченный взгляд Эвана. От искреннего потрясения у него отвисла челюсть.

– Я так рада познакомиться с тобой, – прошептала его мать на ухо Конни.

Та запнулась, от удивления у нее как будто закоротило привычное остроумие и обаяние.

– Взаимно, – жалко выдавила она. Затем, собравшись с мыслями, добавила: – Приятно познакомиться, Дженис.

Разомкнув объятия, Дженис продолжила удерживать Конни, как только что Эвана, и пристально глядела ей в глаза. Конни попыталась выдержать этот взгляд, но обнаружила: почти выцветшие голубые радужки слишком нервируют, чтобы смотреть в них долго. Она одарила Дженис натянутой улыбкой.

– Ну, давайте вас устраивать, – произнесла Дженис, указывая на открытую дверь. – Выбирайте любую из трех оставшихся спален на-верху.

– Майлз и Элиза уже здесь? – спросил Эван.

– Да, – ответила Дженис. – Жена твоего брата отдыхает у себя. Думаю, долгая поездка ее немного утомила. А Майлз на заднем дворе с твоим отцом.

– На заднем дворе? – переспросил Эван, переступая через порог со своим чемоданом.

Конни последовала за ними в мрачный вестибюль. Внутри оказалось по-настоящему темно – шторы были задернуты, а ни одна лампа не горела. Дженис дождалась, когда Конни присоединится к Эвану, и закрыла за ними входную дверь. Стало еще темнее. Достаточно, чтобы скрыть выражение ли-

ца Дженис, поэтому Конни не смогла понять странный тон, с которым женщина произнесла свои следующие слова.

– Да, они на заднем дворе, – Дженис говорила довольно невыразительно. Резкая перемена по сравнению с воодушевлением недавнего приветствия. – Роются в сарае для инструментов.

– А что они ищут? – спросил Эван.

– Крысоловки. – Дженис стояла у двери, сложив руки перед собой и наблюдая за Конни и Эваном, стоявшими рядом у подножия лестницы. – Кажется, в подвале завелись крысы.

Эван ничего на это не сказал. Вероятно, обдумывал слова матери.

Дженис продолжала:

– Почему бы вам не отнести вещи наверх и не устроиться? А потом, Конни, если ты не против, я буду рада, если ты присоединишься ко мне на кухне. Мне бы не помешала помощь.

– О! Я совсем не против.

Она одарила мать Эвана приятной улыбкой, которую та, наверное, едва могла разглядеть в темноте. Дженис коротко кивнула и оставила их одних у лестницы. Едва она ушла и Эван взял сумку Конни, чтобы нести наверх, девушка прошептала:

– Почему здесь так темно?

– Не знаю, – пробормотал Эван, его голос звучал растерянно. На полпути вверх по лестнице Эван остановился,

обернулся и открыл рот, будто собираясь что-то сказать, но затем покачал головой и продолжил подъем.

– Чего? – спросила Конни.

На верхней площадке Эван кивнул в сторону комнаты, которую они должны были занять, – жест, который она поняла как: «Расскажу тебе наедине». Конни отправилась следом за ним по такому же темному, как и внизу, холлу. Они миновали закрытую дверь. Конни представила, как за ней дремлет невестка Эвана. Эван выбрал следующую дверь с противоположной стороны холла.

Комната оказалась темной, просторной и с минимумом мебели: двуспальная кровать, тумбочки по обеим ее сторонам и большой шкаф у соседней стены. Эван один за другим бросил их чемоданы в изножье кровати. Конни тут же подошла к окну и раздвинула шторы, впустив тусклый серый свет пасмурного неба. Развернувшись на каблуках, она обнаружила, что Эван по-прежнему стоит возле изножья кровати, опустив голову и погружившись в свои мысли.

– Твоя мама, кажется...

Эван снова покачал головой.

– Да. Это было не...

Конни обняла его сзади. Обхватила руками его грудь и прижала Эвана к себе, уткнувшись лицом в его затылок.

– По крайней мере, она была рада нас видеть.

– Она казалась совершенно другим человеком, – отрезал Эван. – И во мне не просто обида говорит...

– Как думаешь, может, она... не знаю, слегка изменилась?

С тех пор, как вы виделись в последний раз?

На этот раз Эван решительно покачал головой.

– Ни за что. Не настолько.

– Может, она ведет себя так ради меня? Пытается произвести хорошее первое впечатление?

– Тогда она впервые озаботилась этим. Я могу по пальцам одной руки пересчитать ее объятия.

Все еще прижимаясь лицом к его шее – ощущая у своего виска его тепло, – Конни нахмурилась. Ей всегда было немного больно слушать истории о детстве Эвана. Хотя он и рос среди такого богатства и привилегий, заменить ими тепло человеческого общения было невозможно.

Ей же больше нечего было предложить. Во всяком случае, ничего полезного. Эван явно знал своих родителей гораздо лучше, чем она.

– Может, твоя мама уже чего-нибудь выпила? – пошутила она.

Эван тихо рассмеялся.

– Некоторые люди и правда становятся сентиментальными, когда выпьют, но...

– Но не твоя мать, – закончила за него Конни.

– Да. Но не она. – Эван повернулся к Конни, тоже обнял ее. – Я рад, что ты здесь.

– Я тоже.

Они поцеловались. Эван обхватил Конни за талию и се-

кунду просто любовался ею.

– Может, на День благодарения поедem к твоим бабушке с дедушкой? – спросил он.

– Договорились.

Пока Эван расстегивал молнию на своем чемодане, Конни проверила телефон и обнаружила, что батарея разряжается. Она тоже расстегнула чемодан и довольно быстро поняла, что кое-что забыла.

– О, черт. Ты случайно не захватил зарядку для телефона?

– Да. Тебе нужна?

Эван протянул ей свое зарядное устройство. Конни нашла у тумбочки розетку, воткнула туда блок, а затем положила подключенный телефон на тумбочку. Когда она снова повернулась к Эвану, то увидела, что он прислонился к изножью кровати и опять уставился в никуда. Выглядев при этом так, будто может простоять вечность, не обременяя себя заботами, не спеша покинуть комнату или вернуться вниз и стать частью своей семьи.

– Ты готов? – спросила Конни.

Эван очнулся от своих мыслей. Мягко улыбнулся.

– Нет, но все равно поедem.

Четыре

Опять следуя за Эваном по коридору, Конни взглянула на закрытую дверь, мимо которой они недавно уже проходили, и прошептала:

– Как зовут твою невестку?

– Элиза, – сказал он. – Майлз и Элиза. – Когда они подошли к лестнице, Эван продолжил: – Мама – Дженис, отец – Дейл, дядя – Джереми...

– И Райли, – закончила Конни. – Твоя сестра.

– Или Рай, как я ее называю.

Они были на полпути вниз, когда в пролете показалась мать Эвана – перегнувшись через перила, она смотрела вверх, на молодых людей.

– Подумала, что слышу, как вы идете, – произнесла она, сияя. – Эван, отец с братом на заднем дворе.

– Да, ты говорила, они ищут... крысоловки? – отозвался Эван.

– В сарае ужасный беспорядок, так что им понадобилось больше времени, чем ожидалось. Иди помоги им. – Эван обошел мать у подножия лестницы, и Дженис переключила внимание на Конни. – И Конни... если бы ты помогла мне на кухне, я была бы очень признательна.

– Конечно, – ответила она.

Они с Эваном осторожно переглянулись – «Во что я, соб-

ственно, ввязываюсь?» – и двинулись по главному холлу в заднюю часть дома. Эван привел их на кухню. Шторы там были раздвинуты и впускали тусклый свет с улицы. Помещение было на удивление просторным с бежевыми мраморными столешницами и дорогими шкафчиками из вишневого дерева. Как оказалось, Дженис уже поставила на плиту кастрюлю с бульоном, а из духовки пахло жарким. Эван направился прямо к двери черного хода. Там он остановился, пытаясь разглядеть остальных сквозь маленькое окошко.

– Ты сказала, что они уже на заднем дворе?

– Да, думаю, они буквально *прокапывают* себе путь через сарай, – выделила голосом Дженис и, пока Эван стоял у задней двери, повернулась к Конни, с энтузиазмом произнеся: – А я пока позабочусь о Конни. У меня столько вопросов.

Конни вежливо улыбнулась. Эван, открывая дверь черного хода, бросил на нее последний взгляд – с извиняющейся гримасой. Конни ободряюще улыбнулась в ответ. «Со мной все будет в порядке», – она надеялась, что улыбка передаст ему эту мысль. Затем Эван вышел наружу, закрыл за собой дверь, и внезапно Конни с Дженис остались наедине.

«Мать и новая девушка ее сына», – подумала Конни.

– Умеешь обращаться с ножом? – спросила Дженис.

Она торопливо обошла Конни и направилась к кухонному острову, где уже расположились разделочная доска, несколько больших морковок, помидоры, красный лук, а еще зеленый, желтый и оранжевый перцы. На доске лежал безупреч-

но заточенный поварской нож. Конни встала перед ними.

– Думаю, смогу справиться с овощами, – игриво ответила она. По крайней мере, она надеялась, что прозвучало игриво. Внезапно Конни ощутила неуверенность и в своих словах, и в своем тоне. Без Эвана ощущение того, насколько важно произвести хорошее впечатление, словно подавило ее.

– Хорошо. Все уже помыто. – Дженис ласково улыбнулась, обняла Конни за плечи и нежно их сжала. Конни это поразило после всего сказанного Эваном наверху.

«Я могу по пальцам одной руки пересчитать ее объятия...»

Дженис продолжала праздно наблюдать, а Конни взяла нож и одну из морковок. Затем неловко замерла, встретившись глазами с женщиной. Дженис лишь улыбнулась и перевела взгляд на морковь на разделочной доске, словно ожидая наглядного доказательства умений.

«Это какая-то проверка? Тест на нарезку овощей? Нарезка этой морковки подтвердит, что я достойна встречаться с вашим сыном?»

– Так откуда ты? – внезапно спросила Дженис. Она осторожно облокотилась на столешницу рядом с Конни – та, сосредоточившись на своей задаче, видела боковым зрением лишь размытую фигуру.

– Из Калифорнии. Родилась и выросла в Петалуме.

– О! – воскликнула Дженис. – Так, значит, ты далеко от дома.

– Вроде того, – ответила Конни. – Правда, я везде побывала...

Она съежилась, отрезав несколько гораздо более тонких кусочков моркови. И понадеялась, что Дженис смотрела не слишком пристально и не заметила легкой дрожи в руках.

– Значит, твои родные в Калифорнии? – спросила та.

– Да. По большей части.

Нож изящно посверкивал под рукой Конни. Ломтик. Ломтик. Ломтик.

– Ты близка со своей семьей?

Конни колебалась. Как ей показалось, слишком долго.

– Да, я довольно близка с бабушкой и дедушкой.

Она закончила с первой морковью. Сдвинула ломтики к краю разделочной доски и принялась за следующую морковку, уже опасаясь вопроса, который – она точно знала – последует дальше. Естественное продолжение разговора.

– А что насчет родителей? Мать? Отец?

Конни сглотнула. Из ее горла вырвался звук, который Дженис наверняка услышала.

– На самом деле их уже нет. Они умерли, когда я была маленькой.

– О боже, – произнесла Дженис. Краем глаза Конни увидела, как она прижала руку к сердцу. – Мне так жаль это слышать.

– Все в порядке. Это было давно. На самом деле меня воспитывали бабушка с дедушкой. В основном.

– Понятно, – сказала Дженис.

Прежде чем она успела спросить что-то еще, Конни решила перехватить инициативу.

– А что насчет вашей семьи? Эван немного рассказывал мне о своем старшем брате Майлзе. И Райли...

– Да, всего трое детей, – произнесла Дженис.

После ее ответа повисла странная тишина. Продолжая нарезать морковь, Конни несколько раз покосилась в сторону Дженис, ожидая продолжения, но, похоже, та уже закончила свою мысль.

– Райли присоединится к нам? – спросила Конни. Слова вырвались изо рта, прежде чем она успела их обдумать; ей отчаянно хотелось заполнить тишину, пока Дженис не успела задать собственный вопрос. – Эван не был уверен, придет ли она. А я с нетерпением ждала встречи с ней.

– Райли приедет, конечно. Она сейчас в пути, я думаю... – Дженис фыркнула и сдвинулась – размытый силуэт переступил с ноги на ногу. – В наши времена так редко удается собрать их всех в одном месте, знаешь ли. Жизнь такая *занятая*. Такая непредсказуемая.

Конни дорезала вторую морковь. Схватила третью.

– Поздравляю, кстати, – произнесла она, начав механически резать, резать, резать. – С годовщиной. Эван сказал, что это ваша...

Мысли спутались.

– Тридцатая, – подсказала Дженис. – Это наша тридцатая

годовщина.

– Вот как. Ого. – Конни попыталась изобразить, что она впечатлена, но голос прозвучал довольно блекло. Она снова вспомнила слова Эвана: «Мои родители никогда не любили друг друга. Никогда. Их брак основан не на любви...»

Для начала она с трудом могла представить себе такой долгий срок – брак, который длился на пару лет дольше, чем вся ее земная жизнь, – не говоря уже о том, чтобы быть в браке с человеком, которого столько времени не любишь. Это казалось непостижимым.

– Ммм, – сказала Дженис. – Время не кажется таким долгим, когда ты на другом его конце. – Ее губы издали слышимый, влажный щелчок, скользнув по зубам – улыбка, которую Конни могла только представить, пока, опустив голову, нарезала третью морковку. – Возможно, и у тебя с моим сыном будут такие же прочные отношения?

Конни выдавила мягкий смешок.

– Возможно. Во всяком случае, я надеюсь...

«Шесть месяцев – это же довольно хорошее начало, верно? – подумала она. – Пока все хорошо...»

Между ними снова повисло напряженное молчание, и Конни попыталась найти новую тему для разговора.

– Так расскажите мне, – сказала она, игриво добавляя в свой тон нотку чертовщинки. – Каким он был ребенком? Держу пари, настоящим наказанием.

По правде говоря, у Конни уже была версия Эвана. Они

часто делились друг с другом воспоминаниями о детстве. Но ради поддержания разговора и ради того, чтобы убить время, пока Эван не вернулся со своим братом и отцом...

– О да, он был наказанием, – ответила Дженис. – Да. Су-щим наказанием...

И снова Конни ждала подробности, какую-нибудь *историю*, но вместо этого получила очередную порцию тишины.

– В каком смысле? – спросила она.

– О, ну... – Дженис замолчала. – Он был трудным, как и все мальчишки, я полагаю. Знаешь... затевал драки с братом и сестрой, попадал в неприятности со сверстниками...

Конни прекратила резать. Ее рука на ноже медлила так же, как и разум, цеплявшийся за слова Дженис.

Тут она повернулась, чтобы прямо *взглянуть* на женщину, и обнаружила, что та наблюдает за ней с самым поразительным выражением лица.

Глаза Дженис превратились в щелки, а рот скривился в ехидной усмешке. Это был вид того, кто прекрасно понимает, что идет игра. Конни поняла это всего за долю секунды, прежде чем Дженис смогла поспешно исправить выражение лица. Улыбка смягчилась, разгладилась. Глаза засияли. Торопливая маскировка. Конни поняла, что не должна была ничего такого увидеть. Потому что каким-то непостижимым для нее образом здесь действительно велась игра.

– А в какие неприятности попадал Эван? – спросила она. – Со сверстниками.

Хотя Дженис уже спрятала то свое выражение лица, Конни изобразила нечто похожее. Прищуренные глаза. Понимающая улыбка. Она знала, что это можно истолковать по-разному. Во-первых, что ей искренне интересны подробности и она видит в якобы бурном прошлом своего парня источник пикантных сплетен. А во-вторых, что она прекрасно осознает, что Дженис все выдумывала, и с удовольствием позволяет ей закапываться глубже.

«У Эвана в детстве не было друзей», – размышляла Конни.

Он сам описывал себя довольно смирным ребенком. Послушным. Осторожным. Одиноким. Это было довольно легко представить, живя так близко с тем мужчиной, которым он стал. Услышать, как его собственная мать описывает его в совершенно ином свете, было определено любопытно.

Дженис открыла рот, будто собиралась что-то сказать, но сначала решила глубоко вздохнуть... и ее немедленно прервала мелодичная трель телефона в кармане. Судя по виду, она испытала облегчение. Достала телефон, проверила имя на экране и извинительно склонила голову.

– Прости, – сказала она. – Ты не могла бы закончить тут, пока я отвечу? Это займет всего минуту.

Конни чуть улыбнулась.

– Конечно.

Дженис извинилась и вышла в холл. Конни проводила ее взглядом. Затем постояла немного, размышляя о странном

разговоре, который они только что вели. «Эван, наверное, прав», – думала она. Его мать выглядела *иначе*. Она определенно не соответствовала его описанию. Не говоря уже о том *взгляде*, с которым поймала ее Конни. Оставшись наедине с собой, она снова прокрутила все в голове и представила то выражение – оно показалось ей еще более неприятным.

Под тихие звуки голоса Дженис, доносившиеся из другой комнаты дальше по коридору, Конни посмотрела на почти дорезанную морковь на разделочной доске, затем на объединенную с кухней столовую. Там стоял полумрак, все шторы были задернуты, но Конни могла разглядеть стол, смутно по-сверкивавший уже расставленными тарелками и приборами.

«Хватит валять дурака».

Она разделалась с третьей морковкой. Потянулась за следующей, но они кончились, тогда она взяла луковицу. Та была огромной, как мяч для софтбола. Сухую внешнюю шелуху уже счистили, и лук можно было просто резать. Конни начала с того, что разделила его пополам прямо посередине.

«...он был трудным, как и все мальчишки, я полагаю. Знаешь... затевал драки с братом и сестрой, попадал в неприятности со сверстниками...»

Она понимала, что неразумно слишком сильно давить на Дженис, выясняя подробности. Это только разозлило бы мать Эвана и выглядело бы намеренным – каковым и было. Но все равно искушение не оставляло. Конни хотелось узнать больше о сестре Эвана, Райли. Какая она? Какую кар-

тинку нарисовала бы Дженис? Вероятно, очень невзрачную, чтобы не выдать себя...

Она слишком отвлеклась – нож в ее руке соскользнул с гладкой луковицы и впился в подушечку указательного пальца. Конни охнула. Выпустила нож, тот мягко звякнул о разделочную доску, а бусинка крови на свежем порезе быстро превратилась в каплю.

– Черт.

Конни прижала кровоточащий палец к другой ладони. Повернулась к кухонной раковине. Торопливо открыла кран и промыла порез под холодной струей. Вытащила палец из-под воды и взглянула на очищенную ранку, та выглядела даже хуже, чем можно было сначала подумать. Кровь хлынула снова с еще большей силой. Простого ополаскивания было мало.

Конни закрыла кран. Зажала палец в кулаке и поспешила из кухни в холл. Посмотрела на входную дверь в другом конце, где-то там по-прежнему раздавался глухой голос Дженис. Однако под углом в девяносто градусов от того места, где стояла Конни, начинался второй коридор, который вел в другую часть дома. Этот проход был особенно темным, все выходявшие в него двери были закрыты. Все, кроме одной. Конни решила, что там, наверное, ванная.

«Давай, давай», – подумала она и быстро двинулась к открытой двери, рассеянно окидывая взглядом бесконечные фотографии в рамках, украшавшие стены по всей длине коридора. Зажатый в кулаке палец ныл. Ладонь стала липкой

от теплой крови. Конни надеялась, что ей хватит обычного бинта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.